

УДК 316.74

Н. В. Веселкова  
*Уральский федеральный университет***МЕМОРАТИВНЫЙ ЛАНДШАФТ:  
ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ<sup>1</sup>**

Меморативный ландшафт – род культурного ландшафта (в терминах Б. Родомана и В. Каганского), относящийся к «сфере» памяти. Концептуализация опирается на ряд близких идей о ландшафте знания, культурной памяти, коммеморативном ландшафте, ландшафте памяти и т. п. Выделены методологические принципы концепции меморативного ландшафта и критерии его структурирования: по характеру связи меморизации с местом, по типу носителя и каналу коммуникации, по композиции и тематике, по доступности и видимости, а также по масштабам. Взаимодействие различных масштабов в меморативном ландшафте анализируется в мультискалярной оптике на примере арт-резиденции VI Уральской индустриальной биеннале современного искусства в поселке Сокол близ г. Снежинска.

Ключевые слова: место, производство пространства, работа памяти, масштабы.

Natalia W. Wiesielkova  
*Uralski Uniwersytet Federalny  
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna,  
Jekaterynburg*

**KRAJOBRAZ PAMIĘCI: REFLEKSJA METODOLOGICZNA**

Krajobraz pamięci to rodzaj krajobrazu kulturowego (w ujęciu B. Rodomana i V. Kaganskiego), związanego ze „sferą pamięci”. Jego koncepcja opiera się na szeregu podobnych wyobrażeń dotyczących: a) krajobrazu wiedzy W. Matthiazena, dziedziczenia teorii Bourdieu na temat habitusu, kapitału i przestrzeni, b) krajobrazu pamięci kulturowej E. Krasilinikowej, eksploracji miejsc pamięci (cmentarzy, muzea, pomniki) i praktyki pokrewne, c) krajobrazu upamiętniającego wypracowanego w badaniach nad pamięcią niewolnictwa i innymi aspektami historii USA (Gundaker, 2001; Alderman, Dwyer, 2014) oraz d) krajobrazu pamięci (Olik 2012: 54 / Reichel, 1995). Pejzaż pamięci splata osobiste i rodzinne wspomnienia, które przenikają przestrzeń w ramach oficjalnej toponimii, pomników, muzeów i archiwów, wystaw i wycieczek. Interakcja różnych typów aktorów i dyskursów w pejzażu pamięci

<sup>1</sup> Тема поддержана грантом РФФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».

analizowana jest w optyce skali makro na przykładzie rezydencji artystycznej VI Uralskiego Biennale Sztuki Współczesnej Przemysłowej we wsi Sokół koło Śnieżyńska.

Слова ключowe: место, продукция пространства, работа с памятью, skala.

Меморативный ландшафт (МЛ) понимается как род культурного ландшафта (в терминах Бориса Родмана и Владимира Каганского<sup>2</sup>), воплощающий работу памяти [Веселкова, 2020]. Методологически это означает сфокусированность на том, как некое место и местность связаны с памятью, а память – с этой местностью. Соответственно активизируются теории места и памяти, из которых мы берем на вооружение трактовку места как функционального узла пространства, по И-Фу Туану. Место<sup>3</sup> выступает средоточием воспринимаемых ценностей, комплексным ансамблем, укорененным в прошлом и прорастающим в будущее [Tuán, 1977; 1979, p. 388]. В подходе Дорин Мейси нам важно понимание места как узла социальных взаимодействий на разных шкалах, а также акцент на открытом, пористом и проницаемом характере идентичности мест [Massey, 1994, p. 5; 2005, pp. 130, 140–141]. (Елена Трубина приводит пример из книги Д. Мейси о том, как коллега долгое время подвозил ее на работу: «Ты не просто движешься в пространстве, ты его немного изменяешь, двигая его и его производя» [Трубина, 2011, с. 201–202]).

Эти трактовки вдохновляются представлением о том, что пространство создается практиками и перемещениями людей – в логике теории производства пространства Анри Лефевра [Лефевр, 2015]. За десятилетия до Лефевра, который публикует работу о производстве пространства в 1974 г., в развитие концепции права на город, созвучной «красному маю» 1968 г. [Шихардин, 2019], сходные идеи выдвигал Флориан Знанецкий. В отличие от Лефевра, он строит свой подход не на марксистском вскрытии неравенств, а на гуманистической социальной теории, сфокусированной на опыте людей.

Анализируя письменные рассказы жителей Познани о том, что для них значит их город – в 1928 г. Польский социологический институт объявил такой конкурс, – Знанецкий отказывается от восприятия города как вместилища. Если город – это не сводимая к пространству «гуманистическая целостность», реализуемая «в опыте и деятельно-

<sup>2</sup> Концепция культурного ландшафта восходит к разработкам Б. Б. Родмана 1970-х гг., включенных в его авторский сборник наряду с более поздними определениями ландшафта как текста и его чтения, и получила наибольшее развитие в трудах В. В. Каганского [Родман, 2007; 2013; Каганский, 2001; 2009; 2013].

<sup>3</sup> См. обзор теорий места [Митин, 2001].

сти людей», то горожан нельзя просто взять и «полностью поместить в эту территорию, как дома или трамваи, – пишет Знанецкий. – Они ведь не только тела, но и имеющие определенный опыт и действующие субъекты, и в этом своем качестве не они находятся в городе, а, если так можно выразиться, *город находится в сфере их совместного опыта и деятельности. Они его создают как весьма сложную социальную структуру*» [Znaniecki, 1931, s. IX–X, цит. по: Васильев, 2015, с. 205. Курсив мой. – Н. В.].

Говоря о памяти, отметим как принципиальные аспекты множественность культур памяти, работу памяти и ее динамику, для анализа которых наиболее продуктивным представляется методологическое решение Джеффри Олика [2012; 2018] с его акцентом на понимании памяти как социальной деятельности с вниманием к процессуальности и структурированию мнемонических практик.

Наводить резкость при совместном анализе места, пространства и памяти помогает мультискалярная оптика – исследовательский подход, сосредоточенный на выявлении масштабов и их взаимодействия [Веселкова и др., 2017; Веселкова, 2020]. Одно из изящных выражений этот подход находит в КТИ – критических топонимических исследованиях, развиваемых Маозом Азарьяху, Рубеном Роуз-Редвудом, Дерекотом Алдерманом и др. [Rose-Redwood et al., 2017]<sup>4</sup>; среди русскоязычных авторов назовем Евгения Терентьева и Сергея Басика [Терентьев, 2014; 2015; Басик, 2018].

Переходя к ключевому понятию МЛ, следует сказать, что интуиция и метафорика ландшафта весьма популярны в современной социально-гуманитарной науке: Ульф Маттиазен пишет о ландшафтах знания, Екатерина Красильникова использует понятия ландшафта культурной памяти и мемориального пространства, Катарина Шрамм во введении к тематическому выпуску журнала «История и память» прибегает к выражению «ландшафты насилия», есть публикации о коммеморативном ландшафте [Маттиазен, 2018; Красильникова, 2013; 2015; 2019; Schramm, 2011; Gundaker, 2001; Kaiser, Nikiforova, 2006; Alderman, Dwyer, 2014].

Описание ландшафта памяти, которое Дж. Олик вслед за Питером Райхелем приводит для характеристики политики памяти в ФРГ, показывает, насколько многосоставной может быть связка множества разноплановых «событий и мест», включающая «политические фестивали, юбилеи, руины, монументы, музеи, автобиографии, фотографии, статуи, фильмы, историографию, устную историю, архивы, законы, амнистии, репарационные соглашения и договоры» [Олик, 2012, с. 54]. В зависимости от способа передачи памяти выделены четыре составляющих ландшафта памяти:

<sup>4</sup> См. также анализ КТИ в диссертации Е. А. Терентьева [Терентьев, 2016].

1) политические фестивали и официальные юбилеи, которые используют эмоции для производства идентичности и интеграции (аффективные способы передачи);

2) места памяти, включая руины, монументы, музеи, а также автобиографии, письма, картинки, фотографии, которые рассматриваются с точки зрения их аутентичности как репрезентации или образов (эстетически-экспрессивные способы передачи);

3) историография, документы и исследования, которые анализируются с точки зрения истинности вклада в знание, объяснения и смыслы (инструментально-когнитивные способы передачи); и

4) наказание, амнистия, репарации и т. д., оцениваемые с позиций справедливости и производящие легитимность, реабилитацию и интеграцию (политически-моральные способы передачи)» [цит. по: Олик, 2012, с. 54].

Легко заметить, во-первых, что далеко не все из перечисленных элементов ландшафта памяти, а лишь меньшая их часть непосредственно привязаны к местности – прежде всего, руины, монументы и музеи, хотя юбилейные торжества и архивы тоже имеют пространственную локализацию.

Во-вторых, вышеприведенный краткий обзор близкой к МЛ терминологии демонстрирует разброс узкотематических и расширительных трактовок, что грозит сделать ландшафтное теоретизирование всеядным и тем снизить его аналитический потенциал.

Отталкиваясь от этих наблюдений, сформулируем методологический принцип: МЛ включает только пространственно «заземленные» элементы, при этом характер их связи с местностью может быть разным. По критерию связи меморизации с местностью хорошо выделяются три типа элементов МЛ: 1) меморизация в отсутствие связи с местом; 2) при наличии связи, но не с конкретным местом; 3) меморизация на месте событий. Второй методологический принцип описывает процесс работы памяти: анализировать не только память о личности или событии, но и историю меморизации.

Меморизацию первого типа (без связи с местом) представляют собой памятники Ленину и другим советским вождям, их все еще плотное топонимическое присутствие в России [Бугров, 2017], в абсолютном большинстве случаев не имеющие исторической связи с местом. По мере утраты смыслов советской символической политики в наши дни закономерными становятся казусы, когда фотографируясь под монументальным Кировым у главного корпуса федерального университета в Екатеринбурге (ко дню вручения дипломов его наряжают в мантию и конфедератку), выпускники не всегда знают, кому поставлен этот памятник, может быть, Ельцину? Предположе-

ние вполне резонное, если учесть, что в 2008 г. университету присвоено имя первого президента РФ, который здесь учился, а затем работал в этом городе, тогда как Киров (чье имя вуз носил ранее, а площадь перед ним и один из районов Екатеринбургa носят до сих пор) в этих краях никогда не бывал.

Екатерина Великая тоже не бывала в уральском Ирбите, но даровала слободе, оказавшей сопротивление сподвижникам Пугачева, привилегии и статус города, за что благодарные горожане спустя сто лет поставили ей памятник. (В 1917 г. его низвергли и долгое время на том же пьедестале стоял Ленин, пока его не передвинули в сторону, а на пьедестал вернули точную копию бронзовой Екатерины). Императрица имеет отношение к городу, но не к тому конкретному месту, где водружен монумент – это меморизация второго типа. Непосредственно к месту имеет отношение не сама великая личность, а история меморизации: в логике КТИ размещение памятника не где-нибудь, а на главной площади обозначает наивысшее почитание, максимальную символическую значимость, за которую и развернулась конкуренция персонажей на пьедестале.

Примером меморизации по третьему типу, в привязке к конкретному месту событий, может служить Мемориал в память об умерших гражданах СССР, эвакуированных в годы Великой Отечественной войны, установленный близ перрона железнодорожного вокзала г. Котельнич Кировской области в 2010 г. Этот крупный транспортный узел в первые годы войны принял много людей, не переживших дороги, в том числе вывезенных из блокадного Ленинграда. В 2011 г. памятник дополнили капсулой «со священной землей Пискаревского кладбища», символизирующей связь двух мест.

Автор культовой «Души Петербурга» Николай Анциферов, осмысляя «феномен исторической экскурсии как определенной формы организации городского опыта, вырабатывающей способы прочтения и переживания городской среды» [Степанов, 2009, с. 100, 106], особое значение придавал именно таким местам (третьего типа по нашей классификации), про которые можно сказать «на этом самом месте». Их посещение способно генерировать «историко-топографическое чувство», когда «текущий миг прикладывается к прошлому и яркой искрой вспыхивает переживание угасшего былого» [Анциферов, 2004, с. 154]. По мысли Бориса Степанова [Степанов, 2009], так, вполне по беньяминовски, действует аура подлинного места.

Как противостоять всеядности ландшафтного теоретизирования, не деля ландшафты по узкотематическому принципу, пока не вполне ясно, в этой ситуации продуктивным шагом представляется разработка структуры МЛ. Просматривается целый ряд критериев струк-

турирования МЛ, один из них, по связи меморизации с местом, уже обозначен выше. Второй (нумерация сугубо условна) – по типу носителей и каналам коммуникации и восприятия: физические воплощенные элементы ландшафта и нарративные, материальные и виртуальные, действующие визуально, аудиально, через запахи, возможность прикосновения и т. п. История про эвакуированных и история памяти о них присутствуют не только в физической, но и в нарративной части меморативного ландшафта Котельнича. О мемориале на вокзале и о братском кладбище, о тесных связях с ленинградцами можно прочитать на городских сайтах и услышать в рассказах горожан:

«У нас такая, скажем, дружеская связь как бы горожан с ленинградцами, потому что многие кто после войны уезжали обратно, возвращались на родину, но сохранили вот такую тесную, скажем семейную связь с котельничанами. И практически у каждой семьи котельнической, ну которые не приезжие, а более-менее коренные, с военных времен которые проживающие, есть знакомые, есть какие-то такие дружеские семьи в Ленинграде, поэтому эта связь сохраняется» (КтЖ52)<sup>5</sup>.

По композиции и тематике (третий критерий) МЛ и его отдельные элементы могут быть выстроены сверху и снизу, обладать разной плотностью и когерентностью. Так, в российских городах, не только крупных, но и в небольших, повсеместно присутствует «стандартный набор монументов», по выражению Софьи Гавриловой [Gavrilova, 2019, p. 80], где оставшиеся с советского времени мемориалы Великой Отечественной войны дополняются поздние- и постсоветскими памятными знаками, посвященными Афганистану, Чечне и другим горячим точкам, представителям различных родов войск и ликвидаторам чернобыльской аварии. Сосредоточенные на небольшом участке парка, как скажем в маленьком Далматово Курганской области, они образуют высококонцентрированное ядро МЛ, образуя общее пространство, участники которого обмениваются символическими ресурсами, а персонально поименованные или просто отнесенные к той или иной категории местные жители включаются в разметку МЛ, общую для всей страны.

Важным измерением МЛ является доступность и видимость его составляющих (четвертый критерий). Если городские музеи четко обозначены в пространстве города, имеют отдельные здания (как правило, но не всегда: Палеонтологический музей в Котельниче (перезжает из одного в другое непригодное помещение) и интер-

---

<sup>5</sup> Выдержка из мобильного интервью (2021 г.). Для обозначения информантов используется кодировка, в которой буквы обозначают город, пол и возраст информантов; описание методического дизайна исследования и характеристики поля см. в статье Е. В. Прямиковой в настоящем издании.

нет-сайты, то корпоративные и школьные музеи обычно утоплены в недрах своих институций и извне совсем не видны [Веселкова, 2020; Прямикова, 2020].

В то же время и в отношении выставленных на всеобщее обозрение монументов существует парадокс невидимости: согласно известной формуле Роберта Музиля [Музиль, 1999], нет ничего более незаметного, чем памятники. Алейда Ассман начинает с этого феномена раздел о непростой судьбе современных монументов, а Александра Эткинда доведенная до предела незаметность подобных объектов заставляет вообще усомниться в их способности служить носителем памяти [Ассман, 2019, с. 60–65; Эткинд, 2012; 2016]. Думается, скорее следует говорить о разной степени актуализации памяти для разных акторов. В Котельничке многие информанты приводили нас к часовне на высоком берегу Вятки, но только один из них, руководитель военно-патриотического клуба, показал установленную поблизости табличку, обозначающую «Парк Победы» (рис. 1):

«Эту табличку два года назад я вкапывал со своими ребятами, сделали мы ... А два года назад в городе практически никто не знал, как вот этот парк садили и т. д., все забыли. Ну сейчас, видите, оно по краям облезло, конечно, но мы хоть какую-то никакую табличку сделали, откуда взялся этот сквер» (КтМ51).



Рис. 1. Табличка с надписью: «Парк Победы. Заложен в мае 1975 года в канун 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» на пути к часовне. Фото в ходе интервью (КтМ51).

Остальные проходили мимо, как если бы никакой таблички, стоящей прямо у дороги, вовсе не было, но даже заметив ее, в наличной растительности трудно увидеть признаки парка. Про Братское кладбище с мемориалом советским воинам, умершим от ран в эвакогоспиталях в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., напротив, говорили многие. Котельничане, у которых спрашивали дорогу, с готовностью объясняли, как пройти и где свернуть, а вот навигатор в последний момент подвел, и мы долго блуждали по краю старого кладбища, растянувшегося вдоль реки, уйдя не в ту сторону. Если «Парк победы» для местных жителей словно бы отсутствует, но имеет шанс попасть в поле зрения приезжего в виде таблички, то Братское кладбище для горожан

прекрасно различимо, присутствует оно, в отличие от этого парка, и в интернете, а вот найти его для незнакомых с местностью людей, в отсутствие каких-либо указателей, оказалось немалым вызовом.

Наконец, в качестве пятого критерия выделим масштабы значимости, варьирующие «вширь географии» от локального до глобального и «вглубь истории», где могут подвергаться актуализации самые разные слои, а обращение к палеонтологическим глубинам в последнее время начинает претендовать на роль тренда, но рассмотреть этот пункт хотелось бы на другом примере. Это две выставки, открывшиеся 11 сентября 2021 г. в поселке Сокол Челябинской области в рамках VI Уральской индустриальной биеннале современного искусства<sup>6</sup>.

Выставка «Лаборатория А (Авангард. Архитектура): Отдых как труд» Ларисы Пискуновой, Игоря Янкова и Дмитрия Мухаметова является частью большого проекта «Территория авангарда»<sup>7</sup> и продолжением деятельности этих и других авторов по проговариванию и продвижению конструктивизма/авангарда в Екатеринбурге и на Урале в целом с помощью исследований, выставок и экскурсий<sup>8</sup>. На этот раз обсуждение идеи авангарда и его архитектурного словаря идет через тему санаторного отдыха, оздоровления и даже лени как «действительной истины человечества», по прозрению К. Малевича 1921 г. [Малевич, 2004; см. об этом, напр., Расков, 2019].

Почему вообще Уральская биеннале забралась в этот поселок, находящийся между Екатеринбургом и Челябинском, примерно в 130 км от того и другого, но не отличающийся высокой транспортной доступностью? С Сокола лишь в 2008 г. сняли секретность, административно он относится к закрытому и поныне Снежинску.

Дело в том, что в 1930-е гг. в этих живописных местах на озере Сунгуль был построен санаторий НКВД, в годы войны принявший госпиталь, а с развертыванием советского атомного проекта поблизости возникли ЗАТО Снежинск и Озерск, где в 1957 г. произошла крупнейшая радиационная авария. Все это рассказывают экскурсантам сначала в автобусе, если вы едете специальным туром от биеннале, а затем на пешеходной прогулке по прилегающей местности. В послевоенный

<sup>6</sup> Далее в переработанном виде использован текст моего поста в Facebook от 11.10.21 (<https://www.facebook.com/vesselkova>). После закрытия биеннале выставка «Лаборатория А» останется на Соколе и, как пояснил И. Янков, «будет частью экскурсионной и туристической деятельности на месте».

<sup>7</sup> Территория авангарда. О проекте. URL: <https://avantgarde-territory.com/about/> (дата обращения: 15.10.21).

<sup>8</sup> Среди выставочных проектов: «Дни конструктивизма на Урале», «Конструктивистские городки Свердловска», «Рождение горожанина» «Неуловимый авангард», «ТАБУ – Территория авангарда: Большой Урал», в числе публикаций: [Пискунова, Старостова, 2015; Пискунова и др., 2015; 2017; 2019].

период осужденный на 10 лет Н. В. Тимофеев-Ресовский сотоварищи здесь, в секретной «Лаборатории Б» изучали воздействие радиации на живые организмы.

Именно это название и обыгрывает выставка «Лаборатория А», размещенная на первом этаже одного из санаторных корпусов, после войны перепрофилированного под общежитие секретной лаборатории, а ныне заброшенного, выкупленного в частную собственность и используемого для страйкбола. Стыкованные гармошкой три блока этого здания построены по чертежам знаменитого Г. А. Голубева, архитектора петербургской выучки, с 1926 г. работавшего в Свердловске и создавшего массу конструктивистских творений в городе и регионе.

Пунктик конструктивизма на инсоляции воплощен в потрясающих, от пола до потолка, окнах (рис. 2), они особенно впечатляют, когда поднимаешься по лестнице, чтобы зайти поочередно в 21 комнату второй выставки – «Звонящий след» художника Павла Отдельнова. Про само здание в ней почти не говорится, место раскрыто через виварий Лаборатории Б и фигуру Тимофеева-Ресовского, основной же упор сделан на атомную гонку, катастрофу на «Маяке» и трагедию переселения деревень, попавших в зону заражения. Звонящий на весь свет общечеловеческий, глобальный смысл полностью поглощает

«это самое место» со всем его авангардом.

Уральская индустриальная биеннале с самого начала сделала ставку на *site-specific* проекты и в данном случае налицо все признаки МЛ третьего типа, когда меморизация происходит на месте событий: обе выставки находятся в корпусе общежития секретной лаборатории, на территории, оснащенной ржавыми знаками радиации, вблизи других исторических зданий, включая сохранившийся коттедж Тимофеева-Ресовского. При этом в художественных высказываниях, на мой взгляд, парадоксальным образом не хватает проговоренности этого места, работы с локальным масштабом, так что маленький Сокол оказывается белым на белом (сюжет Малевича, присутствующий в «Лаборатории А») – едва различимым контуром на сияющем или, если угодно, звонящем фоне больших идей и свершений.

Концепция меморативного ландшафта, представленная здесь в первом приближе-



Рис. 2. Высокие окна в здании общежития Лаборатории Б, где в сентябре-октябре 2021 г. проходили выставки в рамках VI Уральской биеннале современного искусства. Фото С. И. Быковой.

нии через методологические принципы и структурирование по ряду оснований, открывает богатые познавательные возможности. Следующим шагом видится сквозной анализ элементов МЛ по всем критериям, а также целостное описание МЛ изучаемых поселений.

*Анциферов Н. П.* Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность. (Фрагменты) 1918–1942 / подг. к публ. и предисл. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли : ежегодн. М. : Модест Колеров, 2000. С. 107–162.

*Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое лит. обозрение, 2019.

*Басик С. Н.* Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Геогр. вестник. 2018. № 1 (44). С. 56–63.

*Бугров К. Д.* «Топография вождей». В честь кого называли городские районы в сталинском СССР? // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / гл. редактор Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 561–570.

*Васильев А. Г.* Memory studies в межвоенной Польше // Диалог со временем: альм. интеллект. истории. М.: Аквилон, 2015. Вып. 51. С. 195–226.

*Веселкова Н. В.* Феномен школьного музея // Документальное наследие и историческая наука : материалы Урал. ист.-арх. форума / отв. ред. Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. С. 104–111.

*Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Пряникова Е. В.* Молодые города: масштабы мест памяти // Социол. обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 36–65.

*Веселкова Н. В.* Конструкции авторства/субъектности в опыте отечественных биографических проектов первой половины XX в. // Урал. ист. вестник. 2020. Вып. 4. С. 84–92.

*Каганский В.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2001.

*Каганский В. Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журн.-обозрение. 2009. № 1. С. 62–70.

*Каганский В.* Как устроена Россия? Портрет культурного ландшафта // STRELKA : сб. 2013. М.: Strelka Press, 2013. С. 50–72.

*Красильникова Е. И.* Исторический некрополь Барнаула: преемственность традиций и политика памяти советской власти (конец 1919 – начало 1941 года) // Ист., филос., полит. и юр. науки, культурол. и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2013. 1 (27). Ч. 1. С. 109–113.

*Красильникова Е. И.* Мемориальное пространство Новосибирска в исторической динамике (1893–2000 гг.) // Вестн. Томск. ун-та. История. 2019. № 61. С. 32–43.

*Красильникова Е. И.* Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.) : моногр. 2-е изд., испр. и перераб. Новосибирск : ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015.

*Лефевр А.* Производство пространства. М. : Strelka press, 2015.

*Малевич К.* Ленъ как действительная истина человечества. // Собр. соч. в 5 т. Т. 5 / сост. А. С. Шатских. М. : «Гилея». 2004. С. 178–187.

*Маттиазен М.* Собственные логики городских ландшафтов знания: о динамике коэволюции в развитии городов и знания в городских knowledgescapes //

Собственная логика городов: новые подходы в урбанистике. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 117–192.

*Митин И. И.* На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–73.

*Музиль Р.* Памятники // Музиль Р. Малая проза. Избр. произв. в 2-х т. Т. 2. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 133–136.

*Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / пер. Д. Хлевнюк // Социол. обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.

*Олик Дж. К.* Коллективная память: две культуры. «Память – это не вещь и не предмет. Память – это непрерывный процесс». Интервью с Дж. К. Оликом // Ист. экспертиза. 2018. № 4 (17). С. 22–49.

*Пискунова Л., Старостова Л.* «Городок чекистов» г. Екатеринбурга: воплощение и трансформация утопии в повседневных практиках советской элиты // Изв. Урал. федер. ун-та. 2015. № 4 (146). С. 40–53.

*Пискунова Л., Старостова Л., Янков И.* «Повседневные практики «Городка чекистов» : каталог 3-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства. Екатеринбург. 2015.

*Пискунова Л.П., Старостова Л. Э., Янков И. В.* Реконтекстуализация архитектурного наследия советского авангарда: выставочный проект «городки Свердловска: от архитектурного проекта к социальному опыту» // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2017. № 2 (37). С. 85–98.

*Пискунова Л. П., Старостова Л. Э., Янков И. В., Сучков Н. Е.* Конструктивистские городки Свердловска, 1920–1930-е гг.: Городок чекистов, Дом Гостяжпромураля, Дом Уралоблсовета, Городок юстиции, Медицинский городок. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019.

*Прямикова Е. В.* Вариации развития школьного музея // Аудиовизуальная платформа современной культуры : материалы междунар. науч. конф. (в рамках XV Колосницыных чтений), Екатеринбург, 20–21 нояб. 2020 г. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2020. С. 347–355.

*Расков Д. Е.* Ленъ и труд: по мотивам Малевича // Логос. 2019. № 1. С. 259–272.

*Родман Б. Б.* География, районирование, картоиды : сб. тр. Смоленск : Ойкумена. 2007.

*Родман Б. Б.* Поляризованный ландшафт // Социально-экономическая география: понятия и термины : слов.-справ. / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск : Ойкумена, 2013. С. 178–179.

*Степанов Б.* «Ковчег былого»: город как объект исторической экскурсии // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М. : ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 99–120.

*Терентьев Е. А.* Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Социология. 2014. № 3. С. 73–86.

*Терентьев Е. А.* Переименование советских топонимов в Санкт-Петербурге: анализ публичных дискуссий // Журн. социол. и соц. антропологии. 2015. Т. 18. № 2. С. 72–86.

*Терентьев Е. А.* Теоретико-методологическая концептуализация топонимических практик (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) : дис. ... канд. социол. наук. М. : ВШЭ, 2016.

*Трубина Е. Г.* Город в теории: опыты осмысления пространства. М. : Новое лит. обозрение, 2011.

Эткинд А. Железный август, или память двойного назначения // Новое лит. обозрение. 2012. № 116.

Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М. : Новое лит. обозрение, 2016.

Шихардин Н. В. «Май–1968». Философские истоки и ориентиры. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019.

Alderman D. H., Dwyer O. D. A Primer on the Geography of Memory: The Site and Situation of Commemorative Landscapes // Commemorative Landscapes of North Carolina. Documenting the American South. University Library, The University of North Carolina at Chapel Hill. 2014. URL: [https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman\\_two/](https://docsouth.unc.edu/commland/features/essays/alderman_two/) (дата обращения: 16.11.2021).

Gavrilova S. A. The Production of Urban Identities in the Memorial Complexes of Murmansk and Rostov-on-Don. Urban Studies and Practices. 2019. Vol. 4. No 1. P. 77–87.

Gundaker G. At home on the other side: African American burials as commemorative landscapes // Places of Commemoration: Search for Identity and Landscape Design / ed. J. Wolschke-Bulmahn. Washington : Harvard Univ. Press, 2001. P. 25–54.

Kaiser R., Nikiforova E. Borderland spaces of identification and dis/location: multiscalar narratives and enactments of Seto identity and place in the Estonian/Russian borderlands // Ethnic and Racial Studies. 2006. No. 25. P. 928–958.

Massey D. Space, Place and Gender. Cambridge, England : Polity Press, 1994.

Massey D. For space. London : Sage, 2005.

Rose-Redwood R., Alderman D. H., Azaryahu M. (eds.) The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Place. London and New York : Routledge, 2017.

Schramm K. Introduction: Landscapes of Violence: Memory and Sacred Space // History and Memory. 2011. 23(1). P. 5–22.

Tuan Y.-F. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press ; London : Edward Arnold's, 1977.

Tuan Y.-F. Space and Place: Humanistic Perspective // Gale S., Olsson G. (eds) Philosophy in Geography. Theory and Decision Library (An International Series in the Philosophy and Methodology of the Social and Behavioral Sciences). Vol 20. Dordrecht : Springer, 1979. P. 387–427.

Znanięcki F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Poznań : Wydawnictwo Polskiego Instytutu Socjologicznego, 1931.

УДК 316.752+711.435

Е. В. Прямикова  
Уральский государственный  
педагогический университет  
Уральский федеральный университет

## ПАМЯТЬ В МАЛОМ ГОРОДЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛЯРНЫХ КЕЙСОВ<sup>1</sup>

Память в каждом городе отличается уникальным содержанием, определяющимся историей конкретного места. Исследования памя-

<sup>1</sup> Тема поддержана грантом РНФ 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)».